

Глава 1

Представьте себе, что мы сидим в тихой комнате, смотрим в сад и, потягивая зеленый чай, беседуем о давно минувших событиях. И я говорю вам:

— День, когда я встретила этого человека, был и лучшим, и худшим в моей жизни.

Я полагаю, после этого вы должны отставить свою чашку и спросить:

— Так каким же он все-таки был? Лучшим или худшим? Ведь не мог же он быть лучшим и худшим одновременно.

Я бы тоже сочла это забавным и согласилась с вами, но, как это ни парадоксально, день моей встречи с Танака Ичиро стал действительно и лучшим, и худшим в моей жизни. Господин Танака показался мне таким необыкновенным, что даже рыбный запах, распространявшийся от его рук, казался мне запахом духов. Уверена, не повстречай я его тогда, никогда бы не стала гейшей.

Я родилась и воспитывалась не для того, чтобы стать гейшей Киото, и даже родилась я не в Киото. Я дочь рыбака из маленького городка Йоридо на Японском море. За всю свою жизнь лишь нескольким людям я рассказала об Йоридо, о доме, в котором выросла, об отце с матерью и своей старшей сестре. И никому еще не говорила о том, как стала гейшей или каково ею быть.

Многие просто предполагали, что, возможно, гейшами были мои мама и бабушка и меня стали обучать танцам, как только отняли от груди. Кстати, однажды, несколько лет назад, я наливала сакэ одному господину, упомянувшему о своей недавней

поездке в Йоридо. Знаете, я тогда почувствовала себя птицей, перелетевшей за океан и повстречавшей человека, знающего, где находится ее гнездо. От удивления я не удержалась и воскликнула:

— Йоридо! Это место, где я выросла.

Бедный господин! Какая же гамма чувств отразилась на его лице! Он попытался улыбнуться, но это далось ему с трудом, так поразили его мои слова.

— Йоридо? — переспросил он. — Не может быть!

Я очень долго вырабатывала улыбку, называя ее для себя «улыбкой но» за ее сходство с застывшими чертами масок но, которую можно интерпретировать как кому заблагорассудится. Можете себе представить, как часто я использовала ее преимущества. Я решила воспользоваться ею и сейчас, и это сработало. Господин выдохнул воздух и опрокинул в себя чашечку саке.

— Потрясающе! — воскликнул он и рассмеялся. — Ты выросла на такой помойке, как Йоридо. Это все равно что приготовить чай в ведре. — И смеясь продолжил: — Так вот почему ты такая смешная, Саюри-сан. Иногда тебе почти удается убедить меня в правдивости твоих забавных историй.

Признаюсь, не очень приятно думать о себе как о чае, приготовленном в ведре, но отчасти это было правдой. Что и говорить, я выросла в Йоридо, который никак не назовешь райским уголком, да и мало кто вообще там бывал. Что же касается людей, продолжающих там жить, то у них, как правило, просто нет возможности оттуда уехать. Вас, наверное, интересует, как же удалось уехать мне. С этого и начинается моя история.

В нашей небольшой рыбацкой деревушке Йоридо я жила в эдаком «подвыпившем» домишке, стоящем у скалы и обдуваемом постоянными ветрами. Океан рядом всегда дышал с присвистом, а время от времени оглушающе чихал, и ребенком мне казалось, что он подхватил сильную простуду. Так я воспринимала сильные порывы ветра, сопровождавшиеся невероятными брызгами. Океан, как я считала, обижает наш крошечный домик, чихая время от времени ему в лицо и заставляя отклоняться

назад. Возможно, домик однажды бы и развалился, если бы отец не вырезал балку из обломков старой лодки и не подпер ею карниз. Правда, после этого дом стал напоминать хмельного старичка, опирающегося на костыль.

Внутри этого «подвыпившего» дома я и жила довольно унылой, однообразной жизнью. Я с рождения очень похожа на свою мать и совсем не похожа на отца и старшую сестру. У нас с мамой особенные прозрачно-серые глаза в отличие от распространенных карих, обычно встречающихся у японцев. Когда-то, совсем маленькой девочкой, я считала, что кто-то проткнул в маминых глазах дырки и из них вытекли чернила. Гадалки же объясняли бледный цвет глаз присутствием в ее натуре большого количества воды. И воды настолько много, что четыре остальных элемента практически отсутствуют, отчего мамины черты так слабо проявлены. Судя по всему, она должна была быть необычайно привлекательной, такой же, как ее родители. Да, у персика прекрасный вкус, не менее замечательный вкус и у грибов, но их сложно употреблять одновременно. Природа сыграла с ней злую шутку. Она дала ей пухлые материнские губы и угловатую челюсть отца, отчего лицо казалось изысканной картиной в тяжеловесной раме. Ее очаровательные серые глаза обрамляли густые ресницы, так украшавшие лицо ее отца, но делавшие ее взгляд угнетенным.

Мама объясняла, что вышла замуж за моего отца из-за преобладания в ее натуре воды, а в его — дерева, двух элементов, дополняющих друг друга. Люди, знавшие отца, хорошо представляли, что она имеет в виду. Вода быстро перетекает с места на место и всегда находит щелочку, в которую можно проскользнуть. Дерево же, напротив, крепко связано с землей. Сама природа благоприятствовала отцу, ведь он был рыбаком, а человек с натурой дерева легко чувствует себя в водной стихии. Вот почему отец старался никогда не расставаться с морем. Запах моря с него не смывала даже горячая вода. Когда он не рыбачил, то сидел на полу в нашей темной прихожей и чинил рыболовную сеть. И если бы сеть была спящим живым существом, своими неторопливыми движениями отец даже не разбудил бы ее. Он делал все очень медленно и сосредоточенно. Выражение его лица ка-

залось застывшим. Его покрывали глубокие морщины, и с каждой была связана какая-то боль или тревога. Лицо походило на дерево, на каждой ветке которого гнездились птицы. От постоянных переживаний отец выглядел необыкновенно уставшим.

В возрасте шести или семи лет я неожиданно узнала о своем отце нечто новое. Однажды я спросила его:

— Отец, почему вы такой старый?

Он приподнял брови таким образом, что они образовали вокруг глаз небольшие выгнутые зонтики, покачал головой и с глубоким вздохом сказал:

— Не знаю.

Когда я задала тот же вопрос маме, она взглядом дала мне понять, что ответит в другой раз. На следующий день, не говоря ни слова, мама повела меня к деревне и свернула на тропу, ведущую к расположенному в лесу кладбищу. Мы подошли к трем могилам с высокими, значительно выше меня, надгробными плитами, сверху донизу исписанными строгими черными иероглифами. Тогда я только начала ходить в школу и еще не умела читать. Мама указала на одну из плит и произнесла:

— Мацу, жена Сакамото Минору. — Сакамото Минору — имя моего отца. — Умерла в двадцать четыре года, в 1919 году. — Потом она указала на другую плиту: — Иничиро, сын Сакамото Минору, умер в возрасте шести лет в 1919 году.

На последней плите было написано все то же самое, за исключением имени — Масао — и возраста — три года. Оказывается, мой отец уже был женат раньше, много лет назад, но вся его семья умерла. Позднее я вернулась к этим могилам и, стоя рядом с ними, впервые поняла, как тяжела печаль. Мое тело, легкое лишь мгновение назад, вдруг стало вдвое тяжелее, как будто могилы притягивали его к себе.

Благодаря союзу воды и дерева у родителей на свет появились дети с удачным сочетанием элементов. В то время как я была очень похожа на мать и даже унаследовала ее необычные глаза, Сацу, насколько это возможно, походила на отца. Сестра была на шесть лет старше меня и, конечно, как старшая, могла делать многое, мне еще не дозволенное. Но Сацу обладала удивитель-

ным свойством: превращать любое действие в происшествие. Если ее, к примеру, просили налить суп, она делала это так, что лишь часть супа случайно попадала в чашку. Однажды сестра порезалась рыбой. Именно рыбой, а не ножом во время ее чистки. Она шла с горы из деревни и несла завернутую в бумагу рыбу. Сверток выскользнул из рук Сацу, упал на ногу и порезал ее плавником.

Наши родители хотели иметь еще детей, помимо Сацу и меня. Отец мечтал о сыне, с которым мог бы рыбачить. Но когда мне исполнилось семь лет, мама внезапно заболела, видимо, раком кости, и с этого момента я не могла понять, что с ней происходит. Единственное, что помогало ей от боли, — сон, поэтому она спала, как кошка, почти постоянно, большую часть суток, а как только просыпалась, начинала стонать. Я видела, как в ней что-то быстро меняется, но из-за преобладания в ее натуре воды мне эти изменения не казались тревожными.

Иногда она вдруг резко худела, но затем так же быстро поправлялась. К тому времени, когда мне исполнилось девять лет, кости на ее лице стали выдаваться вперед, и она уже больше не набирала своего прежнего веса. Это вода покидала ее из-за болезни, но я не догадывалась об этом. Так же как сочные морские водоросли, высыхая, становятся ломкими, мама все больше и больше теряла главную составляющую своей сущности.

Однажды вечером, когда я сидела на полу в нашей темной прихожей и напевала песенку пойманному утром сверчку, из-за двери раздался голос:

— Эй! Откройте, это доктор Миура!

Доктор Миура приезжал в нашу рыбацкую деревню раз в неделю, и с тех пор как мама заболела, он обязательно заходил к нам. В тот день на море разыгрался шторм, и отец остался дома. Он сидел на своем обычном месте, на полу, запустив в сеть свои паукообразные руки. Отец посмотрел на меня и поднял один палец. Это означало, что я должна открыть дверь.

Доктора Миура в нашей деревне считали важной персоной. Он учился в Токио, знал больше, чем кто-либо, китайских иероглифов и был слишком горд, чтобы заметить такое создание, как я. Когда я открыла ему дверь, он выскользнул из тужурки и направился в дом, не обратив на меня внимания.

— Как бы я хотел, — сказал он отцу, — жить, как ты, рыбачить целыми днями в море. Славно! А в непогоду отдыхать... Я вижу, твоя жена еще спит, — продолжал он. — Жаль. Было бы неплохо ее осмотреть.

— Вы думаете? — спросил отец.

— Дело в том, что всю следующую неделю меня не будет. Может, ты все-таки разбудишь ее?

Какое-то время отцу понадобилось на то, чтобы выпутать руки из сети, но в конце концов он встал.

— Чио-сан, — сказал он мне, — принеси доктору чашечку чаю.

Тогда меня звали Чио, и только спустя годы я стала известна как гейша Саюри.

Отец с доктором пошли в комнату, где спала мама. Мои попытки подслушать под дверь их разговор ни к чему не привели. Я слышала лишь мамины стоны и ничего из того, о чем они говорили. Я занялась приготовлением чая. Вскоре доктор и отец вышли из маминой комнаты и сели за стол.

— Пришло время сказать тебе кое-что, Сакамото-сан, — начал доктор Миура. — Тебе нужно поговорить с одной женщиной в деревне. По-моему, ее зовут Суджи. Закажи ей новое красивое платье для своей жены.

— У меня нет денег, доктор, — сказал отец.

— Мы все в последнее время стали беднее. Я понимаю тебя, но ты должен это сделать ради своей жены. Она не должна умереть в том поношенном платье, в котором сейчас лежит.

— Она скоро умрет?

— Возможно, еще через несколько недель. У нее ужасные боли, и смерть избавит ее от страданий.

Услышав это, я перестала воспринимать их голоса. В ушах стоял шум, как от крыльев мечущейся в панике птицы. Возможно, это билось мое сердце, я не знаю. Но если вам доводилось видеть птицу, залетевшую в храм и пытающуюся найти выход, то вы можете себе представить овладевшие мною чувства. Конечно, я и раньше часто задумывалась над тем, что может случиться, если мама умрет. Но думала об этом так же, как о земле-

трясении, способном поглотить наш домик. Сложно представить себе жизнь после подобных событий.

— Я думал, что умру первым, — сказал отец.

— Ты уже не молод, Сакамото-сан, но у тебя крепкий организм. Ты легко сможешь прожить еще лет пять. Я оставлю тебе таблетки для жены. Можно давать по две сразу.

Они еще немного поговорили о таблетках, и доктор Миура ушел. Отец продолжал сидеть спиной ко мне и еще какое-то время молчал. На нем не было рубахи, кожа на его теле была собрана в складки. Чем больше я смотрела на отца, тем больше он напоминал мне любопытную коллекцию форм и фактур. Его позвоночник был похож на холмистую дорогу. Его голова, покрытая обесцвеченными пятнами, походила на битый фрукт. Руки выглядели как палки, обтянутые старой кожей. Если мама умрет, как я смогу продолжать жить в одном доме вместе с ним? Я не хотела уезжать, но независимо от того, будет в нем жить отец или нет, дом станет пустым, после того как мама покинет его. Наконец отец прошептал мое имя. Я подошла сзади и наклонилась к нему.

— Должен сказать тебе что-то очень важное, — произнес он.

Его лицо словно окаменело. Глаза бегали, будто он потерял над ними контроль. Я думала, отец собирается с духом, чтобы сообщить мне о скорой маминой смерти, но он только попросил меня сходить в деревню и купить немного ладана для алтаря.

Семейный буддийский алтарь покоился на старом сундуке рядом с кухней и являлся единственной ценной вещью в нашем «подвыпившем» домике. Перед грубой деревянной скульптурой Амиды, Будды Западного рая, стояли крошечные погребальные дощечки, исписанные буддийскими именами наших умерших предков.

— Но, отец, разве там уже ничего нет?

Я надеялась, он ответит, но он лишь жестом показал мне на дверь.

Дорога от нашего дома к деревне шла вдоль берега, мимо скал. Идти в такое ненастье казалось невероятно трудно, но я, помнится, была благодарна сильному ветру, как бы разгонявшему бес-

покоившие меня тяжелые мысли. Море неистовствовало. Волны, как камни, дробились на острые осколки. Мне казалось, весь мир вокруг чувствовал примерно то же самое, что и я. Жизнь, подобно шторму, постоянно смывает то, что было явью всего мгновение назад, и являет миру нечто опустошенное и неузнаваемое. И я впервые об этом задумалась. Пытаясь освободиться от одолевавших меня мыслей, я быстрее побежала по тропинке, пока впереди не показалась деревня.

Йоридо — маленький населенный пункт, расположенный на берегу небольшой морской бухты. Обычно она бывала усеяна рыбаками, но в тот день я заметила лишь несколько возвращавшихся лодочек, напоминавших мне жучков, ползущих по поверхности моря. Шторм постепенно нарастал, и уже слышался его рев. Фигуры рыбаков становились размытыми, а постепенно и вовсе потерялись за завесой дождя. Я могла наблюдать, как шторм двигался вслед за мной. Первые упавшие капли оказались размером с перепелиное яйцо, и буквально через несколько секунд я так вымокла, словно искупалась в море.

В Йоридо всего одна дорога, и ведет она прямо к двери Японской береговой компании морепродуктов. Вдоль нее стояли дома, часть помещений в них была приспособлена под магазинчики. Я переходила улицу напротив дома Окада, где собиралась купить ладан, но неожиданно оступилась, поскользнувшись на грязной дороге, и упала на бок перед повозкой, на какое-то время потеряв сознание. Помню, мне все время хотелось что-то выплюнуть. Затем я услышала голоса и почувствовала, как меня перевернули на спину, подняли и куда-то понесли. По распространявшемуся вокруг запаху рыбы стало понятно — меня принесли в Японскую береговую компанию морепродуктов. Послышался шлепок. Это с одного из столов сбросили на пол сеть с рыбой, а меня положили на его скользкую поверхность. Я была мокрой от дождя, в крови, босая и грязная, одетая в крестьянскую одежду. Я это знала. Но я не знала того, что этот эпизод изменит всю мою жизнь. Ведь именно при этих обстоятельствах я впервые посмотрела в лицо господину Танака Ичиро.

Я видела господина Танака в нашей деревне много раз. Он жил в большом поселке неподалеку, но каждый день приезжал в

Йоридо, где его семья владела Японской береговой компанией морепродуктов. Одетый в мужское кимоно и брюки в отличие от рыбаков, носивших крестьянскую одежду, он своим видом напоминал мне изображения самураев. Его кожа выглядела гладкой и упругой, как барабан, а скулы поблескивали, как хрустящая корочка на зажаренной рыбе. Мне он всегда казался необыкновенным, и когда раньше доводилось случайно встречать его на улице, я всегда останавливалась и смотрела на него.

Я лежала на скользком столе, а господин Танака тряс мою голову и осматривал лицо. В какой-то момент он поймал взгляд моих серых глаз, зачарованно смотревших на него. Он мог бы пренебрежительно усмехнуться, посчитав меня нахальной девчонкой, или просто отвести взгляд, но продолжал смотреть мне в глаза довольно долго, настолько долго, что по моему телу пробежал холодок, хотя в помещении стоял теплый спертый воздух.

— Я знаю тебя, — сказал он наконец. — Ты младшая дочь старого Сакамото.

Даже мне, ребенку, было ясно, что господин Танака видел мир вокруг себя таким, каков он есть на самом деле. У него никогда не было удивленного взгляда, как у моего отца. Мне казалось, он замечает смолу, вытекающую из стволов сосен, и светлый круг в небе, в котором угадывается солнце, заслоненное облаками, и живет в отличие от многих в видимом и осязаемом мире. Я знала, он видел деревья, и грязь, и детей на улицах, вот только у меня не было никакого основания думать, что он когда-либо замечал меня.

Возможно, поэтому, когда он заговорил со мной, я от неожиданности расплакалась. Господин Танака приподнял и посадил меня. Я подумала, что он хочет отправить меня домой, но вместо этого он сказал:

— Не глотай кровь, моя хорошая. Ты же не хочешь, чтобы у тебя образовался камень в желудке? Я бы на твоём месте сплевывал ее на пол.

— Вы предлагаете девчонке сплевывать кровь в том месте, где мы держим рыбу? — возмутился один из рыбаков.

Рыбаки очень суеверны. Особенно они не любят, когда женщины касаются всего, что имеет отношение к рыбе и ее добыче.

Однажды утром рыбак из нашей деревни, увидев свою дочь играющей в его лодке, избил ее палкой, а затем протер лодку сакэ. Но даже этого ему показалось недостаточно. Он пригласил священника и освятил лодку. И все это только потому, что его маленькая дочь немного поиграла там, где лежала пойманная им рыба. А сейчас господин Танака предлагал мне сплевывать кровь на пол в комнате, где чистили рыбу.

— Если вы боитесь, что ее плевики могут смыть рыбы кишки, — сказал господин Танака, — возьмите их домой. У меня их еще много.

— Дело не в рыбьих кишках, господин.

— Я могу вас заверить, ее кровь — самое чистое из всего побывавшего на этом полу, с тех пор как мы с вами родились. Так что давай, — сказал господин Танака, на этот раз обращаясь ко мне, — сплевывай.

Я в растерянности сидела на скользком столе и не знала, как поступить. С одной стороны, я боялась послушаться господина Танака, но с другой — не могла набраться смелости сплюнуть на пол. Ситуацию разрядил один из присутствующих мужчин, который закрыл одну ноздрю пальцем и высморкался на пол. От отвращения, не в силах больше удерживать что-либо во рту, я выплюнула кровь. Все мужчины, кроме помощника господина Танака по имени Суджи, с неприязнью отвернулись и вышли из комнаты. Господин Танака велел Суджи привести доктора Миура.

— Я не знаю, где его искать, — сказал Суджи, но, как мне показалось, он просто не хотел мне помочь.

Я сказала господину Танака, что доктор совсем недавно был у нас дома.

— А где твой дом? — спросил господин Танака.

— Это маленький «подвыпивший» домик на скалах.

— Что значит «подвыпивший»?

— Просто он стоит, склонившись на один бок, словно много выпил.

Господин Танака явно не представлял, как можно воспользоваться этой информацией.

— Итак, Суджи, иди к «подвыпившему» дому Сакамото и посмотри, там ли доктор Миура. Думаю, тебе не составит тру-

да его найти. Прислушивайся к звукам, и если услышишь крики, то скорее всего это доктор Миура осматривает своего пациента.

Я думала, отправив помощника за доктором, господин Танака вернется к своей работе, но вместо этого он долго стоял около стола и внимательно смотрел на меня. Я почувствовала, как у меня начинает гореть лицо. Наконец он произнес слова, показавшиеся мне очень умными:

— Зато у тебя на лице теперь появился баклажан, маленькая дочь Сакамото.

Он подошел к столу, достал из ящика маленькое зеркальце и протянул его мне. Мои губы опухли, посинели и стали похожими на баклажан.

— Но что меня действительно интересует, — продолжал он, — так это откуда у тебя такие необыкновенные глаза и почему ты совсем не похожа на отца?

— У меня мамины глаза, — ответила я, — а лицо отца до такой степени покрыто морщинами, что я и не знаю, как он на самом деле выглядит.

— Когда-нибудь у тебя тоже появятся морщины.

— Но некоторые морщины — его заслуга. Его затылок такой же старый, но гладкий, как яйцо.

— Не очень хорошо так говорить об отце, но я полагаю, все это правда.

Его следующие слова вогнали меня в краску.

— Тогда скажи, как старый морщинистый человек с яйцом вместо головы может иметь такую красивую дочь?

Годы спустя меня называли красивой так часто, что я даже не помню, кто и когда это делал, ведь гейш всегда называют красивыми независимо от того, являются они таковыми или нет. Но тогда я еще не знала о существовании гейш, и когда господин Танака сказал мне, что я красива, я поверила в это.

После того как доктор Миура подлечил мои губы, я купила ладан, за которым послал меня отец, и возвращалась домой в состоянии невероятного возбуждения. Я даже не могла вообразить, что во мне, как в муравейнике, может развиваться такая ак-

тивность. Мне, наверное, было бы легче, если бы я сосредоточилась на чем-то одном, но мне это не удавалось. Меня мотало из стороны в сторону, как лист бумаги на ветру. Между грустными мыслями о маме, о разбитых губах роились приятные мысли о господине Танака. Я пошла к скалам и долго смотрела на море, где даже после шторма волны напоминали острые камни, а небо приобрело коричневатый цвет грязи. Убедившись, что никто меня не видит, я прижала ладан к груди и стала произносить имя господина Танака до тех пор, пока оно не зазвучало, как некая прекрасная мелодия. Я понимаю, как глупо это выглядит, да это и в самом деле было глупо. Но чего вы хотите от маленькой смущенной девочки?

После ужина отец пошел в деревню посмотреть на игру рыбаков в японские шахматы, а мы с Сацу молча убирались на кухне. Я пыталась вспомнить чувства, вызванные во мне господином Танака, но холодная, унылая атмосфера нашего дома отгоняла все приятные воспоминания, и ко мне опять вернулись леденящие мысли о смерти мамы. Интересно, как скоро мама окажется на деревенском кладбище рядом с первой семьей моего отца? Что станет после этого со мной? Мне казалось, что после маминой смерти Сацу займет ее место. Я взглянула на сестру, старательно оттирающую кастрюлю от остатков супа. Она могла смотреть на предмет и не видеть его. Вот и сейчас она продолжала оттирать давно уже чистую кастрюлю. Наконец я сказала ей:

— Сацу-сан, я себя не очень хорошо чувствую.

— Выйди на улицу и погрейся в ванне, — сказала она и убрала мокрой рукой с глаз свои непослушные волосы.

— Но я не хочу принимать ванну, — возразила я. — Сацу, мама скоро умрет...

— В этой кастрюле трещина. Посмотри!

— Да нет в ней трещины, — ответила я. — Это просто царапина, и она всегда на ней была.

— Но тогда почему кастрюля пропускает воду?

— Ты ее выплеснула, я сама видела.

В этот момент на лице Сацу обозначилось выражение крайнего замешательства. Она молча взяла кастрюлю и направилась к двери с намерением выбросить ее.

Глава 2

На следующее утро, пытаясь немного развеяться, я пошла поплавать в пруду, расположенном недалеко от нашего дома. В хорошую погоду деревенские дети отправлялись сюда почти каждое утро. Сацу тоже иногда ходила на пруд, надевая на себя купальник, скроенный на скорую руку из старой отцовской одежды. Наряд выглядел не лучшим образом, и когда она наклонялась, ее грудь сильно обнажалась. Один из мальчишек даже съязвил:

— Смотрите, перед вами гора Фудзи!

Но у нее не было ничего другого, и она продолжала его носить.

Около полудня я отправилась домой перекусить. Сацу ушла с пруда гораздо раньше с сыном помощника господина Танака, за которым она бегала как собачонка. Если он куда-нибудь шел, то оборачивался и смотрел через плечо, давая понять, что она тоже может идти, и она всегда следовала за ним. Я не ожидала увидеть ее раньше ужина, но она стояла, прислонившись спиной к дереву, на тропинке, ведущей к дому. Если бы вы увидели то, что предстало перед моими глазами, сразу бы поняли, в чем дело, но я тогда была еще слишком мала. Купальник Сацу болтался где-то на уровне плеч, и сын Суджи играл ее «горами Фудзи», как их называли мальчишки.

С тех пор как мама заболела, сестра сильно поправилась. Ее груди стали такими же неуправляемыми, как и волосы. И меня больше всего поражало, что именно их неуправляемость привлекала сына Суджи более всего. Он тряс их рукой, оттягивал в сторону и смотрел, как они возвращаются в исходное положение. Я знала, подсматривать неприлично, но как преодолеть препятствие, возникшее на тропинке, ведущей к дому? Неожиданно у меня за спиной прозвучал мужской голос:

— Чио-сан, почему ты сидишь на корточках под деревом?

Можете себе представить, во что была одета возвращавшаяся с пруда маленькая девятилетняя девочка с неразвитыми формами, которой еще нечего было скрывать одеждой от посторонних глаз.

Когда я обернулась, продолжая сидеть на корточках на тропинке, но прикрыв руками, насколько возможно, свою наготу,

то увидела господина Танака. Вряд ли кто-нибудь другой в тот момент мог так смутить меня.

— Это, видимо, и есть твой «подвыпивший» домик? — спросил он, указывая вперед. — А этот парень похож на сына Суджи. Он явно очень занят. А кто эта девочка рядом с ним?

— Это моя сестра, господин Танака. Я жду, когда они уйдут.

Господин Танака громко крикнул. Сын Суджи, а вслед за ним и сестра убежали.

— Путь свободен, — сказал господин Танака, — можешь идти домой и одеться. Когда увидишь свою сестру, передай ей, пожалуйста, вот это.

Он протянул мне завернутый в рисовую бумагу пакет размером с рыбку голову.

— Это китайские травы, — сказал он. — Не верь доктору Миура, если он скажет об их бесполезности. Пусть твоя сестра добавит травы в чай для матери. Это облегчит ее боль. Они действительно очень ценные. Старайтесь тратить их разумно.

— В таком случае я лучше все сделаю сама. Моя сестра не очень хорошо готовит чай.

— Доктор Миура рассказал мне о тяжелой болезни твоей матери, — сказал господин Танака. — Теперь ты говоришь мне, что твоей сестре нельзя доверить даже приготовление чая! Ведь ваш отец очень стар, что же будет с тобой, Чио-сан? А кто заботится о тебе сейчас?

— Я могу позаботиться о себе сама.

— Я знаю одного человека, сейчас он гораздо старше тебя, но когда он был мальчишкой примерно твоих лет, у него умер отец. На следующий год умерла и мать, а единственный старший брат убежал в Осака и оставил его одного. Чем-то похоже на твою историю, не правда ли? — И он окинул меня взглядом, не терпящим возражений. — Имя этого человека Танака Ичиро, — продолжал он. — Да, это я... Хотя тогда меня звали Мориаши Ичиро. Меня взяли в семью Танака в двенадцатилетнем возрасте. Прошло какое-то время, я женился на их дочери, и они меня усыновили. Теперь я веду семейный бизнес, руковожу Компанией морепродуктов. И можно сказать, в конце концов у меня все сложилось нормально. Возможно, что-то подобное произойдет и с тобой.

На какое-то мгновение мой взгляд остановился на господине Танака: обильная седина в волосах, складки между бровями, как бороздки на коре дерева... Он казался мне мудрейшим и самым знающим на земле человеком. Я верила, что ему известно то, о чем я никогда не узнаю, что мне никогда в жизни не быть такой же элегантной, как он, что мне никогда не доведется надевать ничего похожего на его голубое кимоно. Я же сидела перед ним голая, с грязными коленками и лицом, со спутанными волосами и с кожей, пахнувшей тиной.

— Я думаю, вряд ли кто-нибудь согласится удочерить меня, — сказала я.

— Ты так думаешь? Но ты же неглупая девочка, разве не так? Ты называешь свой дом «подвыпившим», голову отца сравниваешь с яйцом...

— Но она действительно похожа на яйцо!

— Тем не менее так не очень хорошо говорить. Ну а теперь беги, Чио-сан. Ты же хочешь пообедать, не так ли? Если твоя сестра сварила суп, ты сможешь лечь на пол и выпить то, что она расплескала.

С тех пор я стала мечтать, что господин Танака удочерит меня, и мне от этого становилось чуть легче. Я была готова ухватиться за все, что обещало мне спокойную жизнь. В особенно тяжелые для меня минуты я мысленно возвращалась к случаю, произошедшему задолго до болезни мамы. Однажды — мне было тогда около четырех лет — мы с мамой пошли на деревенский праздник *обон*, посвященный духам умерших. После нескольких вечеров церемоний на кладбище и разведения костров у входов в дома все собрались на заключительное действо праздника около святилища Синто. Двор святилища украшали бумажные фонарики, подвешенные к деревьям. Вместе со всеми мы танцевали под звуки барабана и флейты. В конце концов я устала, мама посадила меня на колени и стала укачивать, но внезапно налетел ветер, и один из фонариков загорелся. Мы увидели, как пламя загло веревку, на которой он висел, фонарик опустился вниз, и ветер покатило его прямо на нас. Потом огненный шар, казалось, закрепился на земле, но новый порыв ветра опять погнал